

# THE OXUS SOCIETY FOR CENTRAL ASIAN AFFAIRS



«Старое и новое». Михаил Курзин. Государственный музей искусства Каракалпакской АССР

## УГРОЗА ПОД МАСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ: РЕЛИГИОЗНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИЧИНА НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

АМИРКУЛОВА ДИЛДОРА, АЛИМХАНОВА ДИНАРА,  
АТТОКУРОВА ГУЛЬМАЙРАМ

# УГРОЗА ПОД МАСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ: РЕЛИГИОЗНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИЧИНА НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

## Авторы:

*Амиркулова Дилдора (Узбекистан)*

*Алимханова Динара (Казахстан)*

*Аттокурова Гульмайрам (Кыргызстан)*

## Ментор:

*Беймишева Айгуль*

## Фасилитатор:

*Амина Усеналиева*



**THE OXUS SOCIETY**  
FOR CENTRAL ASIAN AFFAIRS



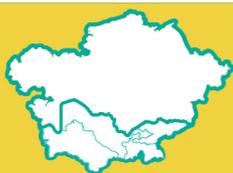
THE OXUS SOCIETY  
FOR CENTRAL ASIAN AFFAIRS

УГРОЗА ПОД МАСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ:  
РЕЛИГИОЗНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИЧИНА  
НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ



## РЕЗЮМЕ

Гендерное насилие – это глобальная проблема всего человечества, которая отражается в разных формах, в том числе и в религиозной радикализации. В рамках данного исследования была проведена работа по выявлению взаимосвязи между религиозными радикализированными идеологиями и гендерным насилием в отношении женщин в трех странах Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Исследование показало, что факторы влияния религиозной радикализации на гендерное насилие присутствуют на всех уровнях общественной жизни: на межличностном уровне, на уровне сообщества и социума в целом. В результате работы были предложены рекомендации и политики решений, которые охватывают все уровни, и которые направлены на академические круги и организации, вовлеченные в программы развития, в том числе в программы по предотвращению религиозной радикализации. Исследование было реализовано при поддержке «Общества Оксус по Центральной Азии».



## ВВЕДЕНИЕ

*«Муж моей подруги детства не дает свободно встречаться ей с ее родителями. Когда у него есть свободное время в течение недели, он берет ее с собой, приводит повидаться с родителями на пару часов и уводит обратно. Запирает ее дома каждый день, когда уходит на работу; а продукты оставляет под дверь. На прогулку она выходит исключительно только в его присутствии. Но это совсем крайность».*

*(Женщина, 30 лет, Казахстан, Алматы)*

Возможно, эта цитата шокирует простого обывателя, но подобные случаи становятся обыденным явлением для семей, которые столкнулись с гендерным насилием, и число которых возросло за последние несколько лет в Центральной Азии. Так происходит, что далеко не каждая женщина осознает, что насилие в отношении нее глубоко укоренилось практически во всех сферах, в которых она вращается.

Насилие может приобретать разные формы и типы. И аспекты гендерного насилия в рассматриваемых странах проникли и в такие, на первый взгляд, духовные сферы социальных отношений, как религия и свобода совести.

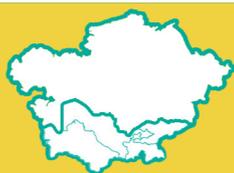
Необходимо помнить, что никакая из мировых религии не учит человечество злу и насилию, а учит миру и миротворчеству; но часто встречаются и те, кто использует религиозную идеологию в качестве инструмента власти и контроля, будь то власть и контроль в обществе или дома.

Данная публикация описывает результаты исследования гендерного насилия, где отдельный фокус был сделан на религиозной радикализации, а именно мы рассмотрели, как построенные на религиозном дискурсе деструктивные идеологии взаимосвязаны с насилием в отношении женщин в трех странах Центральной Азии.

Для начала рассмотрим сам термин «радикализм». Он используется в политической и социальной среде и рассматривается учеными теоретиками, представляя многогранное значение. Феномен радикализма всесторонне изучили политологи (Shea, 1906), историки (Methvin, 1973), социологи (Bittner, 1963) и психологи (Lichter & Rothman, 1982) (McLaughlin, 2012). Так, например, исследователь и социолог университета Калифорнии Реми Кросс предлагает изучать концепт радикализации с точки зрения процесса, практики или убеждения (Cross, 2013). Автор объясняет, что в форме *процесса* радикализм показывает траекторию от не радикального состояния к более радикальному и очень трудно вовремя распознать развитие процесса радикализации. *Практика* радикализма ассоциируется с набором тактик и стратегий, выходящих за рамки принятого политического или религиозного протеста, и которые чаще всего выражаются противозаконно. Последняя форма радикализации – это *убеждения*, которые станут основным фокусом данной публикации. Радикальные идеологии утверждают, что потенциал желаемых изменений или требований лежит за пределами законных способов выражения в том или ином социуме.

Радикализация в данной работе не рассматривается во взаимосвязи с насильственным экстремизмом, так как тематика насильственного экстремизма достаточна изучена, и имеются множество публикаций, описывающих процессы пост-радикализации, в которых женщины выступают уже как часть экстремистских группировок. Но что предшествовало тому, что женщины, воспитанные в обществе, где верховенствуют принципы толерантности и гуманизма, становятся жертвами, или, наоборот, соучастницами религиозной радикализации? Как проходила их ранняя радикализация? Эти вопросы являются центральными вопросами данного исследования.

Наш интерес, тем не менее, вырос из наших профессиональных интересов и потребности понять концепт гендерного насилия с точки зрения



религиозных деструктивных убеждений. В частности, мы хотим изучить связь между религиозными радикализированными идеологиями и гендерным насилием в отношении женщин Центральной Азии (ЦА), при этом понимая, что любая религия по своей сути никогда не призывает к насилию в отношении женщин и девочек, и в обществах источниками насилия могут выступать негативные культурные нормы.

## ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

Религиозный радикализм, по мнению социологов, – это образ мышления и действий, который влечет за собой, прежде всего, неприятие тех окружающих культурных форм и ценностей, которые воспринимаются как чуждые их религиозным традициям. Согласно позиции людей, которые придерживаются радикальных идеологий, необходимо возродить и усилить некоторые устоявшиеся компоненты традиций (Sivan & Friedman, 1990).

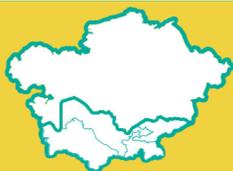
Радикализм может являться одним из источников гендерного насилия. Если прибегать к общепринятому определению гендерного насилия, то можно отметить, что оно представляет собой «любой акт гендерного насилия, который приводит или вероятно приведет к физическому, сексуальному или психологическому вреду, или страданию женщин. Это включает в себя угрозы насилия, принуждение или самовольное лишение свободы, как на людях, так и в частной жизни» (ООН, 2023).

В целом, для исследования влияния радикализированной идеологии на гендерное насилие в отношении женщин можно рассмотреть этот вопрос

через разные теоретические призмы. Тем не менее, чтобы ответить на первый исследовательский вопрос «Какие элементы радикализированных идеологий приводят к гендерному насилию в ЦА?» мы прибегли к **социально-экологической модели**, которая представляет собой теоретическую основу для понимания воздействия различных факторов, которые влияют на отношения и поведение.

В данной теоретической рамке факторные взаимодействия рассматриваются на четырех уровнях, придавая одинаковое значение факторам внутри одного уровня. Эта модель рассматривает сложные взаимодействия между четырьмя уровнями: индивидуальный, уровень межличностных отношений, уровень сообщества и уровень социума (Bronfenbrenner & Morris, 1998; Heise, 1998).

*График 1: Социально-экологическая модель (Kerman & Betrus, 2020)*



**Факторы на индивидуальном уровне.** Факторы индивидуального уровня могут отражать возраст, образование, вероубеждение, абьюз или психологические травмы в детстве (Kerman & Betrus, 2020).

**Факторы на уровне отношений.** На этом уровне ближайшие друзья, партнеры и семья человека, члены семьи, а также семейно-бытовые проблемы могут влиять на поведение жертвы и способствовать дальнейшему расширению насилия в разной его форме (CDCP, 2009; Mamdouh et al., 2012). Факторы на данном уровне могут включать наличие у мужчины нескольких жен, конфликты или неудовлетворенность в отношениях, а также принудительные браки (Kerman & Betrus, 2020).

**Факторы на уровне сообщества.** Уровень сообщества состоит из условий, в которых происходят социальные отношения (например, школы, рабочие места и районы). Исследователи, сосредоточившие внимание на этом уровне, пытаются идентифицировать контекстуальные характеристики, относящиеся к жертвам или виновникам насилия в отношении женщин (CDCP, 2009; Mamdouh et al., 2012). Эти характеристики включают в себя бедность и отсутствие социальной поддержки, а также возможности трудоустройства (Kerman & Betrus, 2020).

**Факторы на уровне социума.** Социальный уровень включает в себя социальные и культурные нормы, и политику, которые могут способствовать или защищать от совершения гендерного насилия (CDCP, 2009; Mamdouh et al., 2012). Эти факторы включают в себя несправедливые социальные нормы, к которым относятся превосходство и доминирование мужчин над женщинами, принятие насилия, культурные обычаи и слабые юридические санкции против насилия в отношении женщин (Kerman & Betrus, 2020).

## АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ НА ОСНОВЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

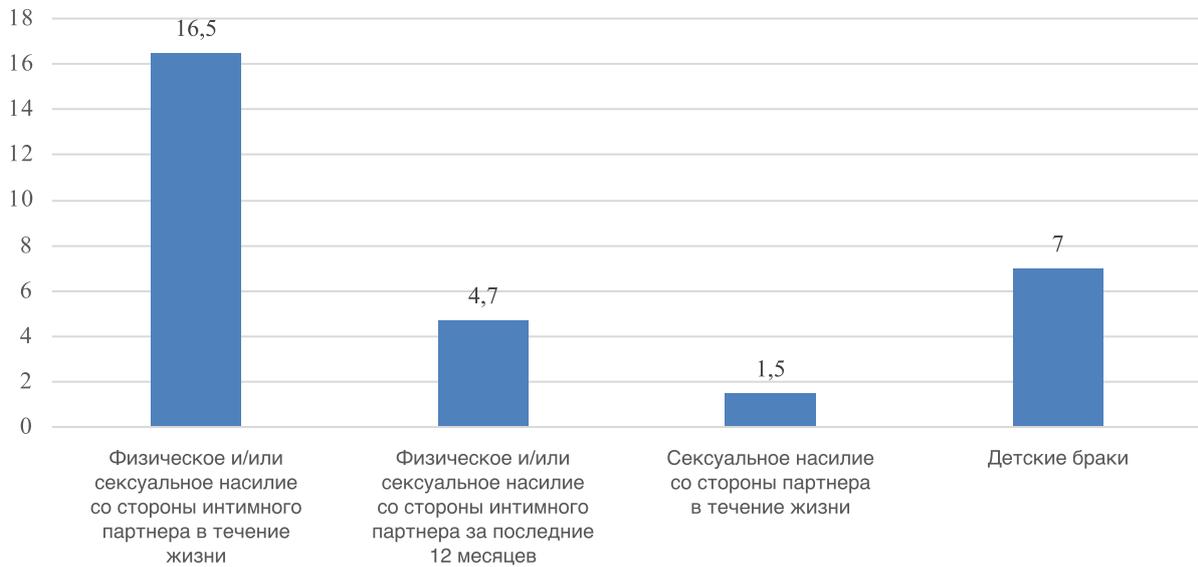
Исследования Всемирной организации здравоохранения показали, что одна из трех женщин на планете подверглась одному из видов насилия<sup>1</sup>. Страны Центральной Азии также испытывают воздействие феномена гендерного насилия несмотря на то, что правительства через законодательные меры взяли на себя обязательства предоставления государственной защиты от насилия женщинам и девочкам. В Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане правовые меры по защите женщин от насилия различны и включают в себя такие меры, как предоставление защитных предписаний, возбуждение административного и уголовного дела в зависимости от тяжести нанесенного вреда женщине.

По причине отсутствия каких-либо обобщенных статистических данных о гендерном насилии по всем странам Центральной Азии нет возможности описать масштаб проблемы для всего центральноазиатского региона. В реальности, данные могут быть выше, так как пережившие насилие боятся сообщать о происшествиях по разным причинам, например, не доверяют правоохранительным органам (полиции) или опасаются повторения насилия. Но следующие данные в разрезе стран, где было проведено исследование, свидетельствуют об актуальности проблемы в регионе:

<sup>1</sup> <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women>

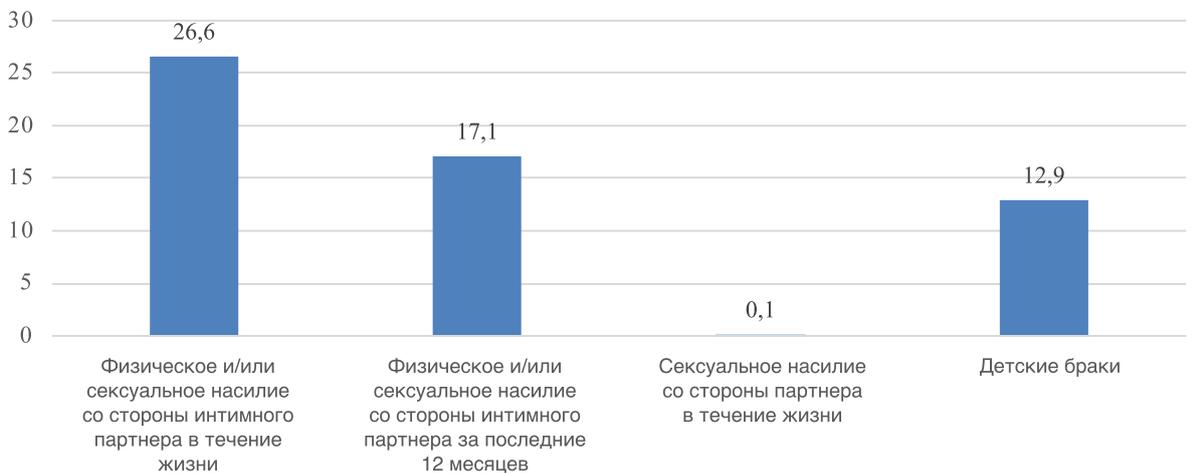


Республика Казахстан  
(Бюро национальной статистики РК, 2017)\*



\* доля женщин в возрасте 18–75 лет, которые хотя бы раз в жизни подвергались физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера<sup>2</sup>.

Кыргызская Республика  
(Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2013)\*



■ данные представлены как доля женщин в возрасте 15-49 лет, когда-либо имевших партнера, подвергшихся физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера

\* доля женщин в возрасте 15–49 лет, которые хотя бы раз в жизни подвергались физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/asia/kazakhstan>

<sup>3</sup> <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/asia/kyrgyzstan>



По данным Государственного комитета семьи и женщин за 10 месяцев 2023 года в Узбекистане было выдано 32014 охранных ордеров (Расмий хабарлар, 2023)<sup>5</sup>.

Данные, свидетельствующие о доле женщин, переживших насилие по религиозным мотивам, недоступны по причинам отсутствия в центральноазиатских странах единой методологии по сбору данных и закрытости данных о тех женщинах, которых принудили участвовать в деятельности экстремистских организаций.

<sup>4</sup> <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/asia/uzbekistan>

<sup>5</sup> [https://t.me/Rasmiy\\_xabarlar\\_Official/40133](https://t.me/Rasmiy_xabarlar_Official/40133)



## СВЯЗЬ МЕЖДУ ГЕНДЕРНЫМ НАСИЛИЕМ И РЕЛИГИОЗНОЙ РАДИКАЛИЗАЦИЕЙ

Если посмотреть на **религиозную радикализацию** как на процесс **трансформации** существующих традиционных религиозных ценностей или как на воздействие крайне консервативных (фундаменталистских) религиозных убеждений и взглядов на существующие в обществе социальные институты, в том числе на образование, семью, здравоохранение, то можно увидеть, каким образом она затрагивает права женщин и может выступать в качестве источника гендерного насилия.

Религии, как социальные институты, с момента их возникновения затрагивают, в том числе, и взаимоотношения между мужчинами и женщинами, и, развиваясь, обретая все более мощную силу над верованиями и убеждениями людей, они становятся инструментом власти и контроля в руках фанатично настроенных групп.

**Религиозная радикализация** по своей природе, как и **гендерное насилие**, использует «**власть**» и «**контроль**» как средство формирования единого понимания и беспрекословного исполнения религиозных практик среди своих адептов, мужчин и женщин. Гендерное насилие, как социальный феномен, используя «власть» и «контроль», также позволяет одной группе людей притеснять другую только по причине их принадлежности к иному полу: женскому. Религиозная радикализация и гендерное насилие не только оказывают негативное воздействие на самих угнетенных, но гендерное насилие имеет свойство «репродуцироваться» посредством негативных религиозных практик и убеждений, позволяя обоим этим социальным явлениям объединиться и управлять поведением группы людей, и общества в целом (так называемое «управление коллективным сознанием»).

Ориентированность правительств центральноазиатских стран на секулярность государственного управления, жесткий надзор над распространением радикальных идеологий, выстроенных на религиозной риторике (в случае с Узбекистаном), наличие в обществе светских ценностных установок – все это позволило ограничить дестабилизирующее влияние различных религиозных экстремистских идеологий в регионе. Но именно авторитарность режимов, социальное расслоение общества на богатых и бедных, демографические и миграционные процессы, рост цифровизации и увеличение числа пользователей Интернета, отсутствие возможности контроля социальных медиа стали, по мнению экспертов, основными факторами, способствующими проникновению и распространению чуждых религиозных идеологий, а также росту религиозной радикализации.

Государственное управление, сохраняющее свою легитимность в рамках действующего законодательства, обладает защитными мерами от воздействия различных радикальных идеологий касательно вопросов безопасности и суверенитета государства. И именно по этой причине пропагандисты религиозных радикальных идеологий в качестве основной мишени выбирают небольшие сообщества нежели государственные институты власти. Именно эти небольшие сообщества становятся источниками распространения радикальных убеждений и практик, ставя перед собой цель вовлекать в свои ряды приверженцев (Komil-Burley, 2023). Как бы парадоксально не звучало, но именно эти приверженцы начинают менять свой образ жизни согласно нормам шариата, прописанным аж в VII веке в период появления Ислама, а через демонстрацию «власти» и «контроля» требуют в своем окружении подчинения новым правилам, создавая угрозу реализации базовых универсальных прав человека и прав женщин. Этот этап можно обозначить как «ранняя религиозная радикализация», в процессе которой сначала семьи, а потом небольшие сообщества (общины, комьюнити, джамааты) незаметно, но последовательно переходят на новый вид социальных отношений, основанных на верховенстве убеждений и практик, свойственных религиозному фундаментализму.



Невозможность идентификации подверженности ранней религиозной радикализации связана с тем, что пока религиозная радикализация, как когнитивное искажение действительности, не проявляет себя в открытом дискурсе в виде призывов реконструировать общественные отношения в соответствии с религиозными нормами, нет основания утверждать, что мужчина или женщина подвергся/подверглась религиозной радикализации. Однако наблюдения показали, что существуют маркеры, которые могут помочь еще на раннем этапе понять, запустились ли в сознании индивидуума процессы религиозной радикализации.

К этим маркерам можно отнести:

- осуждение светского образа жизни людей, особенно женщин и девушек, а также попытки вернуть их к «вере»; ортодоксальный для общества внешний вид (полное черное одеяние до пола и сокрытие большей части лица у женщин, и длинная, неухоженная борода у мужчин молодого и среднего возраста – хотя этот вид может и не выражать радикальность в глобальном контексте, но такой стиль становится атрибутом выражения личных радикальных установок в странах Центральной Азии).
- Повышенная нервозность или агрессия при отсутствии возможности совершить своевременно намаз (религиозную молитву).
- Демонстрация в общественных местах своей чрезмерной богобоязненности/ религиозности посредством включения на своих гаджетах на высокую громкость религиозных песнопений (нашидов).
- Склонность к крайним и абсолютным высказываниям о своих убеждениях; проявление нулевой терпимости к верованиям и практикам других религий и выражение враждебности и агрессии к тем, кто не разделяет их убеждения. Предпочтение общению только с теми, кто разделяет их религиозные позиции.

- Готовность тратить денежные средства на проведение религиозных ритуалов, экономя на базовых расходах, к которым можно отнести получение образования и услуг здравоохранения членами семьи.
- Согласие родителей и самих женщин, девушек на религиозный брак с мужчиной, который уже состоит в официальном браке с другой женщиной и имеет семью.
- Отказ в использовании контрацепции при планировании семьи, отказ/запрет медицинского вмешательства в вопросах обеспечения здоровья женщин, особенно в период беременности; отказ от вакцинации новорожденных и детей младшего возраста. Запрет врачам-мужчинам проводить медицинский осмотр женщин и девочек.
- Высказывание требования покрыть голову по отношению к несовершеннолетним девочкам и приоритет неофициального религиозного образования перед обязательным школьным образованием.
- Установление авторитарных патриархальных иерархий в семье и требование абсолютного подчинения других членов, особенно женщин и девочек. Ограничение мобильности женщин и девочек, запреты в выходе женщин из дома без сопровождения мужа или других членов семьи мужского пола, или старшего по возрасту.
- Поощрение любых форм насилия в качестве наказания за непослушание либо в целях воспитания и усмирения. Обвинение женщин в неудачах мужчин, плохом состоянии здоровья членов семьи, считая их наказаниями Всевышнего.
- Требования к женщинам увольняться с рабочих мест, где работают мужчины.



- Осуждение и запрет на употребление алкогольных напитков, демонстративное покидание мероприятий, где предлагаются спиртные напитки.
- Публичные выступления в социальных медиа на тему греховности музыки и песен; громогласные утверждения в неизбежности наказания Всевышнего за поведение, противоречащее религиозным нормам.
- Боязнь поиска осознанного смысла жизни и потеря страха перед возможными рисками для здоровья и жизни в своем ожидании на получение награды в загробном мире.

Важно отметить, что религиозная атрибутика явно прослеживается во внешнем виде и поведении женщин, нежели среди мужчин, и, по этой причине, приверженность религиозным практикам принято считать собственным выбором самих женщин и девушек. **Но всегда ли это собственный выбор самой женщины?!** Результаты исследования научно-исследовательского института «Оила» в Узбекистане показали, что 18% женщин подверглись насилию со стороны мужа по причине отказа надеть религиозную одежду<sup>6</sup>.

## МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования были использованы качественные методы на базе эмпирических данных 30 интервью. В интервью участвовали 8 женщин (Казахстан – 2, Кыргызстан – 4, Узбекистан – 2), переживших гендерное насилие по религиозным мотивам. Выборка женщин-участниц проводилась методом «снежного кома», когда участники исследования

<sup>6</sup> <https://www.gazeta.uz/uz/2022/12/20/researches/>

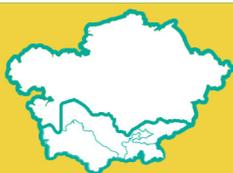
находили участниц через свои комьюнити или знакомых. Исследованием также были охвачены 15 экспертов, представляющих государственные учреждения, общественные организации и академические круги из трех стран: Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Эксперты представляли такие учреждения, как: духовное управление мусульман стран-участниц, управления/отделы министерств социальной защиты, министерства внутренних дел, комитеты женщин и семьи, местные сообщества (махалли), неправительственные организации, религиозные лидеры.

### **Наблюдения на основе мнения опрошенных**

Консервативные религиозные убеждения зачастую становятся факторами риска гендерного насилия, способствуя созданию закрытой среды, в которой насилие становится нормой. Религиозные идеологии зачастую приводят к ограничениям возможности молодых женщин и девушек, и фанатично придерживающиеся этих идеологий члены сообщества игнорируют гарантируемое государствами базовое право на образование и свободу развития женщин.

*«В одно время девочкам в школах со стороны отца, братьев и дедушек запрещали участвовать на уроке физкультуры, и даже одевать спортивную одежду – это тоже деструктивная религиозная идеология. Казалось бы, это мелочь, но эта проблема тоже вызывает угрозу обществу, так как девушки перестанут быть образованными и у них не будет профессиональных навыков. Поскольку девочка – это растущий организм, она же имеет право развиваться, и нет никакого вреда если девочка оденет спортивные брюки поверх коротенькой юбочки».*

*Женщина, лидер сообщества, Кыргызстан*



Насилие в отношении женщин по причине религиозных радикализованных идеологий не оправдывается принадлежностью к какому-либо течению в Исламе.

*«Сейчас очень много сект, различных идеологий, религиозных течений, это не только в исламе, но и в других мировых религиях: иудаизм, христианство. Тогда как Аллах нам сказал придерживаться Корана и сунны Пророка в исламе – вот это самый правильный путь. А поддаваться различным идеологиям, течениям – это идёт к краху общества. Вот то, что сейчас переживает мировое сообщество, – это результат деструктивных религиозных идеологий, поскольку каждый тянет на себя».*

*Местный религиозный лидер, Кыргызстан*

Религиозные практики эмоционально поддерживали жертв, чтобы они могли пережить последствия гендерного насилия.

*«Женщине, чтобы достичь рая Аллаха, не обязательно терпеть ад мужа. Если в семье ад, и она думает, что она будет это терпеть, и что ей достанется в награду рай Аллаха – нет. Аллах не говорит, чтобы она терпела насилие. Даже в судный день Аллах спросит: «Почему ты терпела?» Она ответит, что она хотела получить его награду. [Аллах ответит:] «Ты бы могла уйти? Мои земли то обширны». Это ещё один факт того, что идут разные трактовки [религиозных посланий] касательно положения женщин».*

*Эксперт, Кыргызстан*

В большинстве случаев лидеры сообществ придерживаются позиции невмешательства в случаи гендерного насилия, совершаемых по религиозным мотивам (например, многоженство, ранние браки, бытовое избиение, запрет девочек посещать светские школы).



*«Махаллинские активисты хорошо осведомлены о том, как живут жители махалли, но, когда мужчина три раза женился, и каждый раз жены уходили от него по причине его радикальных религиозных требований, махаллинские активисты не вмешивались».*

*Женщина, 54 года, руководитель  
женской ННО, Узбекистан*

*«Члены сообществ придерживаются различных интерпретаций религиозных текстов к идее терпимости женщин к насилию мужа».*

*Эксперт, Кыргызстан*

Как виновники насилия, так и пережившие насилие жертвы зачастую имели опыт эмоционального или физического насилия в **детском возрасте**. Особенно ярко выраженными факторами было насилие между родителями либо надругательство над ребенком. Поэтому уже во взрослом возрасте виновники насилия очень часто смотрят на религиозные убеждения через призму насилия.

*«У моего супруга было тяжелое детство, и это отражается на его эмоциональном состоянии сейчас. Он не принимает меня за человека. Для него я просто служанка».*

*Участник N, Казахстан, женщина*

*«Мой папа и мама не из числа религиозных людей. Мой отец очень сильно выпивал, жестоко избивал маму. Поэтому, я сама женщина, которая выросла в семье с абьюзерскими отношениями. Нас четверо в семье, и я самая старшая, поэтому, это повлияло на меня очень сильно. До сих пор это негативно отражается на моем здоровье и психике».*

*Участник N, Казахстан, женщина*



Жертвы очень долгое время не понимают, что они переживают насилие. Есть большой риск того, что они этого не поймут без вмешательства специалиста.

*«Были моменты, когда я обижалась на него [супруга] и не хотела приближаться, даже разговаривать. Но он физически, насильно заставлял заниматься сексом. Я не понимала, что это форма насилия».*

*Участник N, Казахстан, женщина*

Религиозные лидеры иногда поощряют переживших насилие оставаться в отношениях с виновником насилия, а также находиться в среде, где очень высока вероятность того, что насилие случится повторно. В процессе общественного обсуждения резонансных случаев гендерного насилия религиозные лидеры становятся пассивными и намеренно замалчивают проблему гендерного насилия, и не освещают ее с точки зрения религии. И когда общественность забывает о таких случаях, они вновь начинают продолжать активно проповедовать «учения» и идеи, содержащие послы о контроле поведения женщин, её позиции подчинённости в семье. -

*«Некоторые имамы отвергают равенство и справедливость в браке, и даже могут поощрять насилие в качестве наказания или воспитания».*

*Эксперт, Кыргызстан*

*«Идея брачного контракта предписано Кораном, однако, наше религиозное сообщество не придерживается этого религиозного правила. А вот Европа переняла – у них есть брачный контракт».*

*Женщина – эксперт, Кыргызстан*

Насилию в отношении женщин зачастую (больше) подвергаются те, кто рано вышел замуж, и те, у кого более низкий уровень образования (школа, колледж).

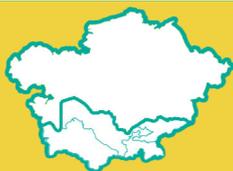
*«Девушка приходит в дом мужа с приданным, которое становится имуществом семьи мужа, и которым все пользуются. И когда девушка разводится, то от её приданного ничего не остается, и она уходит со своими детьми из дома с пустыми руками».*

*Женщина, лидер сообщества, Кыргызстан*

*«Мужчины быстрее подвергаются религиозной радикализации, так как они активно могут общаться между собой, чаще посещают мечети и получают там разную информацию. Женщины же получают информацию от своих мужчин, так как сидят дома и вынуждены их слушать. Но при этом на женщину больше возлагаются ожидания того, что она будет богобоязненной, нежели чем на мужчину».*

*Эксперт, Кыргызстан*

Жертвы гендерного насилия, совершенного по религиозным мотивам, как и жертвы других форм насилия не обладают знаниями и навыками, которые бы помогли им противостоять насильственному поведению, направить виновника насилия на коррекционные работы. Жертвам стыдно обращаться в службы поддержки и просить о помощи, т.к. они боятся потерять в обществе и в профессиональной среде репутацию уважаемой женщины. Вместо обращения к специалистам женщины ищут информацию в различных религиозных источниках, которые, к сожалению, не всегда гендерно чувствительные.



*«...ей плохо, она не знает, как быть. Она не знает, как противостоять агрессивному поведению своего мужа, ведь раньше, с её слов, он не был таким. Как только муж стал посещать пятничные молитвы, он нашел себе наставника [религиозного лидера] и его как будто подменили. Муж запрещает ездить в командировки, заставляет её снимать видео о своем месте нахождения и вынуждает покидать места, где, по его мнению, не должна находиться женщина».*

*Консультант по гендерным вопросам, Узбекистан*

Религиозная радикализации изначально носит локальный характер, но уже сейчас она приобретает характер массовости.

*«Наше общество как будто сходит с ума, религиозная риторика – везде и повсюду, и это напоминает коллективный психоз, усиливая агрессию и нетерпимость в отношениях между людьми».*

*Мужчина, 41 год, эксперт, Узбекистан*

## **Политика решений**

### **Политика, ориентированная на факторы индивидуального уровня**

Правительства стран Центральной Азии должны рассматривать гендерное насилие, основанное на идеях религиозной радикализации, как одну из тяжелых форм насилия в отношении женщин, лишаящее женщин и девушек возможности обрести свою идентичность в семье и обществе. Данная политика может быть осуществлена посредством включения в действующее законодательство по защите женщин и девушек от гендерного/семейного/домашнего/бытового насилия юридического понятия, описывающего насилие в отношении женщин и девушек, основанного на религиозных дискриминационных убеждениях и практиках.

Правительства стран Центральной Азии должны ясно понимать, что религиозно радикализированные группы женщин в силу своих религиозных установок и убеждений станут экономически зависимыми и будут нуждаться в государственной социальной защите. Государственные учреждения, занимающиеся женскими вопросами (Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан, Отдел гендерной политики при Министерстве труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики, Государственный комитет семьи и женщин Республики Узбекистан), совместно с правоохранительными органами и Духовными управлением мусульман должны разработать механизмы и индикаторы по выявлению случаев гендерного насилия, осуществленных по мотивам радикальных религиозных убеждений и практик.

### **Политика, ориентированная на факторы уровня отношений**

Лица ранее подверженные религиозной радикализации являются источниками «воспроизводства» религиозных деструктивных ценностей, убеждений и практик в своей окружающей среде. Их мировоззрение создает потенциальную угрозу таким социальным институтам, как семья, образование, занятость, гражданственность, которые функционируют на принципах универсальности прав человека и конституционных гарантиях.

- Для реализации политики на этом уровне государственные учреждения (Комитет по делам религий Министерства культуры и информации Республики Казахстан, Государственная комиссия по делам религии Кыргызстана, Комитет по делам религии при Кабинете Министров Республики Узбекистан) и Духовные управления мусульман должны отслеживать проповеди религиозных лидеров в СМИ, социальных медиа и в мечетях на соответствие гарантированных конституциями законных прав и свобод человека, в том числе, прав и свобод женщин.



- Усиление правоохранными органами практик по привлечению к правовой ответственности официальных и неофициальных религиозных лидеров за действия, направленные на ущемление прав и свобод женщин, и девушек посредством общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов в выполнении своих полномочий, а также усиления их профессиональных компетенций в реагировании на гендерное насилие, совершенное по религиозным мотивам.

### **Политика, ориентированная на факторы уровня сообщества**

**Совершенствование механизмов государственной защиты женщин от насилия** путем внедрения в функциональные обязанности сотрудников правоохранительных органов (полиции, инспекторов профилактики) признанного международным обществом инструментария по «Оценке безопасности жертв насилия» (ODARA scoring system). Внедрить показатели о случаях насилия в отношении женщин и девочек, мотивированных религиозными убеждениями и практиками виновников насилия, в общую систему сбора данных о гендерном насилии. Повышение профессиональных компетенций представителей системы реагирования (Органов внутренних дел, системы здравоохранения, служб, предоставляющих психосоциальную поддержку) в правильной идентификации случаев гендерного насилия, совершенных по мотивам религиозных деструктивных убеждений и нетерпимости, перенаправления переживших насилие в доступные государственные учреждения и женские общественные организации, предоставляющих услуги жертвам гендерного насилия. Инициатором изменений должны стать государственные учреждения, отвечающие за национальную женскую/гендерную политику: Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан, Отдел гендерной политики при Министерстве труда, социального обеспечения и миграции

Кыргызской Республики, Государственный комитет семьи и женщин Республики Узбекистан.

### **Политика решений на уровне социума**

Насилие, осуществляемое в отношении женщин и девочек, совершенное на основе религиозно-радикальных ценностных убеждений и установок, должно расцениваться Службами государственной безопасности как угроза национальной безопасности и секулярности (светскости) государств и всего центральноазиатского региона. Правительства, официальные круги стран Центральной Азии должны понимать необходимость и важность ведения единой региональной политики в обеспечении универсальных/конституционных прав свобод совести и вероисповедания граждан, с одной стороны, а также не позволять религиозным радикализированным группам манипулировать свободой совести и вероисповедания в достижении своих деструктивных глобальных целей, с другой стороны. Данная политика решений может быть осуществлена путем включения в государственные программы по борьбе с экстремизмом и радикализацией подходов по обеспечению ранней профилактики и раннего выявления религиозной радикализации среди женщин. Государственные комитеты безопасности, государственные комитеты по делам религии совместно с Духовенством управления мусульман должны внести окончательную ясность в интерпретацию религиозных трактатов/текстов касательно вопросов, затрагивающих государственное устройство, права человека, права женщин, тем самым, способствуя комплексной борьбе с формированием в коллективном сознании общества когнитивных искажений на основе деструктивных религиозных убеждений и обеспечения государственной защиты женщин, находящихся под риском насилия религиозной радикализации посредством ужесточения правовых санкций.



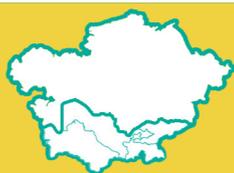
## ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Религиозная радикализация и насилие в отношении женщин имеют одни истоки – это патриархальные убеждения и ценности, которые проявляются не только в религиозных практиках, но и в негативном проявлении культурных норм. Именно по этим причинам женщины и девочки являются наиболее уязвимыми группами в процессах религиозной радикализации, осуществляемые зачастую средствами и видами гендерного насилия. Информационные и образовательные мероприятия среди них должны быть неотъемлемой частью борьбы с деструктивными религиозными идеологиями.

Феномен религиозной радикализации зачастую рассматривается сквозь призму экстремизма, терроризма и региональных конфликтов. Однако «религиозная радикализация», как один из глобальных вызовов для стран Центральной Азии, должна быть помещена в центр всех региональных исследований и рассмотрена отдельно от тематик экстремизма, приводящего к терроризму. Данный подход позволит политикам, специалистам и институтам гражданского общества принять действенные превентивные меры еще на самом раннем этапе, когда деструктивные религиозные идеологии начинают воздействовать на сознания индивидуума или сообщества в целях формирования радикального коллективного мышления, используемого политическими силами для деструктуризации и дестабилизации существующего государственного устройства.

Международные организации и учреждения по развитию, обладающие экспертизой в вопросах религиозной радикализации и экстремизма, должны инициировать и поддерживать программы по наращиванию

потенциала институтов гражданского общества (в частности, женских организаций), которые смогут помочь в профилактике религиозных радикальных идеологий, которые приводят к гендерному насилию и угнетению женщин и девочек, что, в свою очередь, позволит создать дополнительные ресурсы помощи, которые поддержат жертв гендерного насилия (например, консультации специалистов, безопасное временное жильё, правовое сопровождение и др.).



## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бюро национальной статистики Республики Казахстан (2017). Выборочное исследование по вопросам насилия в отношении женщин в Казахстане. <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/asia/kazakhstan>

Национальный статистический комитет Кыргызской Республики (НСК), Министерство здравоохранения [Кыргызская Республика] и ICF International (2013). Демографическое и медицинское обследование Кыргызской Республики, 2012. Бишкек, Кыргызская Республика, и Калвертон, штат Мэриленд, США: НСК, МЗ. и ICF International. <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/asia/kyrgyzstan>

ООН (2023). Краткий обзор Организации Объединенных Наций и насилия в отношении женщин. Получено из источника 16.12.2023, <https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/v-overview.htm#:~:text=The%20Declaration%20defines%20violence%20against,public%20or%20in%20private%20life>.

ООН женщины (2023). Данные о распространенности различных форм насилия в отношении женщин. <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/asia/uzbekistan>

Расмий хабарлар (2023). Жорий йилнинг 10 ойи давомида 32 014 нафар хотин-қизлар ҳимоя ордери бериш орқали давлат ҳимоясига олинди. [https://t.me/Rasmiy\\_xabarlar\\_Official/40133](https://t.me/Rasmiy_xabarlar_Official/40133)

Bittner, E. (1963). Radicalism and the organization of radical movements. *American Sociological Review*, 928-940.

Bronfenbrenner, U., & Morris, P. A. (1998). The ecology of developmental processes. In W. Damon & R. M. Lerner, (Eds.), *Handbook of child psychology: Theoretical models of human development* (pp. 993–1028). Wiley.

- Centers for Disease Control and Prevention (CDCP). (2009). The social-ecological model: A framework for prevention Retrieved July 20, 2013, from <http://www.cdc.gov/violenceprevention/overview/social-ecologicalmodel.html> in Tekkas
- Kerman, K., & Betrus, P. (2020). Violence against women in Turkey: A social ecological framework of determinants and prevention strategies. *Trauma, Violence, & Abuse, 21*(3), 510-526.
- Cross, R. (2013). Radicalism. *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*.
- Heise, L. L. (1998). Violence against women: An integrated, ecological framework. *Violence against women, 4*(3), 262-290.
- Komil-Burley, D. (2023). Islamic revivalism, radicalism and the paradoxical governance of Islam in Uzbekistan (Doctoral dissertation, University of British Columbia).
- Lichter, S. R., & Rothman, S. (1982). The radical personality: Social psychological correlates of new left ideology. *Political Behavior, 4*(3), 207-235.
- Mamdouh, H. M., Ismail, H. M., Kharboush, I. F., Tawfik, M. M., El Sharkawy, O. G., Abdel Baky, M., & Sallam, H. N. (2012). Prevalence and risk factors for spousal violence among women attending health care centres in Alexandria, Egypt. *EMHJ-Eastern Mediterranean Health Journal, 18* (11), 1118-1126, 2012.
- McLaughlin, P. (2012). *Radicalism: A Philosophical Study*. Springer.
- Methvin, E. H. (1973). The rise of radicalism: the social psychology of messianic extremism. 584.
- Shea, J.E. (1906). Radicalism and Reform. *Proceedings of the American Political Science Association, 3*, 158-168.
- Sivan, E., & Friedman, M. (Eds.). (1990). *Religious radicalism and politics in the Middle East*. SUNY Press.



## ПРИЛОЖЕНИЕ

### Методология «The Ontario Domestic Assault Risk Assessment (ODARA)»

Методология «Оценка риска бытового насилия в Онтарио (ODARA)» – это процедура прогнозирования повторной виктимизации жертв со стороны интимных партнеров, которая была разработана полицией провинции Онтарио (Канада) и Министерством здравоохранения и долгосрочного попечения в ответ на рекомендации расследования убийств двух женщин Арлен Мэй и Джиллиан Хадли [Arlene May and Gillian Hadley]. Методология также стала результатом рекомендаций Объединенного комитета по борьбе с насилием в семье, разработанных и переданных Генеральному прокурору Онтарио в 1999 году. ODARA – это актуарный инструмент для оценки риска того, что преступник, совершивший насилие в семье, снова нападет на партнера. ODARA – это единая оценка, доступная для использования полицией, службами по защите жертв, службам здравоохранения и исправительным учреждениям. Это первый эмпирически протестированный и валидированный инструмент оценки риска бытового насилия со стороны интимного партнера в отношении женщин, который также оценивает частоту и тяжесть насилия.

**История.** ODARA является результатом сотрудничества Отдела поведенческих наук и анализа Полиции Провинции Онтарио (OPP) и исследователей Центра психического здоровья Waypoint. Отдел поведенческих наук и анализа OPP уполномочен предоставлять услуги по поддержке уголовных расследований и обучению поведенческому характеру OPP и другим органам уголовного правосудия в провинции Онтарио. Исследовательский отдел Waypoint известен во всем мире своими научными исследованиями в области преступности, насилия, психических расстройств и оценки рисков. В 2001 году эта исследовательская группа получила грант в четверть миллиона долларов от федерального

правительства на разработку оценки риска рецидива насилия в отношении женщин со стороны интимного партнера. Фонды также поддерживали исследования по проблемам психического здоровья женщин, подвергшихся насилию со стороны своих партнеров. В 2003 году команда была отмечена наградой организации «Женщины в правоохранительных органах Онтарио». В 2004 году в журнале *Psychological Assessment* была опубликована первая статья об ODARA, ее разработке и первой перекрестной проверке.

**Разработка.** ODARA была создана на основе исследования почти 600 случаев, расследованных OPP и муниципальной полицией. Используя методы множественной регрессии, исследователи обнаружили, что 13 вопросов наиболее точно предсказывают будущее насилие. Риск насилия может быть спрогнозирован с высокой точностью только с помощью этих вопросов, что уменьшает необходимость во всесторонней оценке риска повторного насилия. Тринадцать вопросов, на которые достаточно дать ответ «да/нет» охватывают историю насилия и антисоциального поведения обвиняемого (приведение в полицию за домашнее насилие, приведение в полицию за насилие вне дома, предыдущий исправительный срок, предыдущий отказ от условного освобождения, насилие вне дома, домашнее насилие во время беременности, злоупотребление психоактивными веществами), подробности последнего насилия (физическое ограничение свободы, угрозы причинения вреда, жертва сообщила, что опасалась будущих нападений во время нападения) и личные обстоятельства жертвы (количество детей, дети от предыдущих отношений, препятствия для получения поддержки).

**Интерпретация.** ODARA – это актуарная оценка риска, согласно которой баллы, полученные от нападения на женщин, оценивают риск повторного бытового насилия. Таким образом, мужчина, совершивший домашнее насилие, может быть отнесен к одной из семи категорий риска. Например, оценка равная 0 относит мужчину к категории наименьшего риска.



9% мужчин, участвовавших в исследованиях ODARA, попали в эту категорию, и 7% из этих мужчин соответствовали критериям бытового рецидива в течение примерно 5 лет наблюдения. Оценка в 7 и более баллов относит мужчину к категории наивысшего риска. 6% мужчин попали в эту категорию, и 74% из этих мужчин соответствовали критериям рецидива бытового насилия. Более высокие баллы по шкале ODARA также указывают на то, что обвиняемый в нападении совершит больше актов насилия (с вероятностью совершить их раньше) и причинит больше травм (в диапазоне от незначительных до летальных), чем обвиняемый с более низким баллом.

**Исследования по валидации.** Точность прогнозирования ODARA была продемонстрирована в ходе шести проверок исследовательского отдела Waupoint и пяти исследований, проведенных другими исследователями. Эта работа включает выборку, проведенную в Канаде, США и Европе, а также информацию о женщинах, имевших отношения с правонарушителями, а также подвергавшиеся насилию на свиданиях.

